

власть имперского духовенства. Конечно, говорить вообще о восстановлении византийских норм культурной жизни на возвращенных землях нет оснований — эта культура в целом, как говорилось, сохранила и здесь общевизантийский облик. Однако нельзя сказать и того, что здесь совершенно не было никакой необходимости в регенерации и активизации институтов, связанных с культурными запросами общества. В частности, в срочной помощи нуждалась освобожденная от католической опеки православная церковь, требовалось восстановить работу начальных, светских, приходских и монастырских школ, активизировать деятельность скрипториев, художественных мастерских, обслуживавших потребности культовых учреждений, и т. д. Иными словами, в течение какого-то (начального) этапа происходил процесс как распространения в отвоеванных районах более высоких форм культуры, сохранных и развитых в Никейской империи, так и восприятия имперской культурой тех духовных ценностей, которые были созданы в пределах Эпира, Трапезунда и латинских государств. Восстановление империи имело, несомненно, огромное значение и для судеб культуры. На большинстве имперских земель процесс культурного развития снова приобрел единый общегосударственный характер. Независимо от политических амбиций императоров Трапезунда и деспотов Эпира, не желавших воссоединять с империей подвластные себе земли, Константинополь снова стал главным духовным и культурным центром греческого мира, наиболее авторитетным ориентиром, законодателем стилей, мод и вкусов.

Отвоевание Константинополя и восстановление империи создало, кроме того, новую духовную и нравственную атмосферу в обществе: деятелями культуры овладело воодушевление, энтузиазм и радужные надежды увлекали широкие слои населения. Отнюдь не случайно Палеологовское возрождение как период резкого подъема культуры нашло реальное отражение в искусстве едва через 15—20 лет после отвоевания Константинополя.

Следует отметить, что широко принятый в современной литературе термин *Палеологовское возрождение* является, несомненно, условным. О его содержании ведутся споры. Ряд видных византинистов (например, И. Шевченко) считают правомерным употреблять это понятие лишь применительно к последним двум десятилетиям XIII в. Во всяком случае, термин «возрождение» (как и «гуманизм») не может быть идентифицирован с итальянским Ренессансом (Возрождением) — сложным социо-культурным западноевропейским явлением, ознаменовавшим начало крушения феодального общества и освобождения умов от религиозного мирозерцания. В общественном строе Византии едва начали пробиваться ростки тех социально-экономических и культурных явлений, которыми {595} уже была пронизана жизнь итальянских городов-республик. Палеологовское возрождение не могло быть, таким образом, следствием иноземного влияния: почва для идеалов ренессансной культуры не была подготовленной. В применении к Византии «возрождение» означает лишь новый расцвет на базе традиционных направлений греческой православной культуры, отмеченных, правда, гораздо ярче выраженными, чем раньше, гуманистическими тенденциями. Наконец, условно не только наименование «Палеологовское», указывающее лишь на время правления императоров Палеологовской династии, но и распространение этого термина на весь последний период истории византийской культуры (с последней четверти XIII до середины XV в.). И. Шевченко прав — имел место, безусловно, расцвет культуры, но нет резонных оснований определять всю эту эпоху термином, который, согласно его точному смыслу, может характеризовать только ее начало.

В целом новые гуманистические тенденции в Византии выразились в более свободных суждениях по религиозным проблемам, в терпимом отношении к иным религиозным учениям, в попытках создать, используя элементы античной мифологии, новые религиозные культы, в рационалистических взглядах на природные явления и на причинно-следственные связи в истории общества, в усилении внимания писателей, философов, художников к внутреннему миру человека. В среде высокообразованных византийских интеллектуалов, являющихся выразителями прогрессивных веяний, культивировалось уважение к личности, к индивидуальному мнению и художественному вкусу, утверждался широкий и глубокий интерес к культурным ценностям других народов.

Не разделяя, как сказано выше, мнений, согласно которым между итальянским и византийским Возрождением обнаруживаются черты типологического сходства, автор главы (И. П. Медведев) тем не менее считает возможным отметить некоторые объективные факторы, которые являются общими для итальянской и византийской действительности. Эти факторы свидетельствовали о сближении исторических судеб Византии и Италии в рамках складывавшегося в XIII—XV вв. единого политического, экономического и идеологического итало-греческого